

ДИАЛОГ | Вышел в свет второй сборник стихотворений Владимира Барктова

Поэт в Магнитке – меньше, чем поэт

МАКСИМ ЮЛИН

Литературная жизнь города незаметна настолько, как будто её и вовсе нет. На собственные деньги поэты и прозаики издают свои сборники и книги, которые дарят другим поэтам и прозаикам. Однако таких людей в Магнитогорске немного, а тех, кто интересуется местной литературой, – ещё меньше. Поэтому, если творческая личность хватит лишь и раскошелится на сотню-другую экземпляров, большая часть тиража, скорее всего, ляжет бесполезным грузом где-нибудь на антресолях автора.

Недавно «вышел в свет» второй сборник стихотворений магнитогорского поэта Владимира Барктова – результат трёхлетнего, но, думается, не слишком кропотливого труда. Стихи Владимир писал от случая к случаю, потому что, во-первых, был главным редактором электронного литературного альманаха «Причал» и хотел вывести сайт на «мировой уровень» – что ему сделать так и не удалось. А во-вторых, поскольку провинциалу жить на труды поэтического творчества невозможно, в гораздо большей степени Барктова занимала проблема поиска «хлеба насущного», а не расположения музы. Но стихи всё-таки были напечатаны, и даже не на домашнем принтере (малотиражный самиздат сейчас – повсеместное явление), а в челябинском издательстве, да ещё и с иллюстрациями. Сборник называется «Календарь».

– Каждый период года разделён на циклы и отдельные стихотворения, – объясняет Владимир, почему он дал своему литературному детищу такое имя. – Все стихи самодостаточны и в то же время перекликаются друг с другом. Этакая матрёшка, в кулах которой – межкультурные связи и отсылки к известным произведениям словесного и изобразительного искусства. В магнитогорском отделении Союза писателей России дали положительный отзыв о «Календаре», и для меня это очень важно – сейчас я на пути вступления в союз.

– А зачем тебе понадобился СПР?

– Это выход на совершенно других людей – состоявшихся в литературном мире. Материальных благ членство в союзе почти не даёт, но с точки зрения признания – большая ценность. Доказательство того, что человек действительно чему-то научился, чего-то достиг.

– То есть, простой поэт не может так вот взять и поговорить или написать члену СПР, потому что союз как бы изолирован от «смертных» литераторов?

– Определённая изоляция есть, но это характерно для всех творческих объединений – варка в собственном соку, что, собственно, вполне нормально. Однако обычный литературный круг по интересам отличается от союза тем, что в СПР идёт жёсткий отбор. А это уже конкурентная среда,

и можно сделать творческий «эволюционный» скачок.

– А магнитогорское литобъединение ещё не переварилось в собственном соку? Складывается впечатление, что на собрания писатели ходят только ради чая с печеньками и даже не пытаются обсудить вопросы дальнейшего выживания местного литературного мира.

– Они действительно «переварились», причём и поэты, и прозаики. Это болезнь творческой интеллигенции, и эпидемия охватила всю провинциальную Россию. Есть проблема выхода на аудиторию, а значит, и выхода в жизнь. Ведь основные их читатели – из числа знакомых. Просто когда распадался Союз советских писателей, литераторы ушли в себя. Период катаклизмов миновал, а замкнутость на себе и узком кругу товарищей, которые тебя понимают, осталась. Плюс молодёжь не хочет профессионально заниматься поэзией, а если и находятся желающие, то они не делают ничего действительно значимого и конкретного – мусолят одно и то же. Это я понял, когда руководил «Причалом»: сайт посещали, читали публикации, комментировали, и на этом всё и заканчивалось. Электронный альманах стал обычной изолированной тусовкой, даром, что в необъятном интернет-пространстве. Впрочем, общество тоже инертно. Когда чтение вышло из моды, люди автоматически перестали интересоваться окружающим миром в каждом его проявлении и замкнулись на одной-двух информационных темах. Вот недавно ехал в маршрутке и разговорился с попутчиками – парнем и девушкой, на вид из состоятельных семей. И они сказали, что у меня очень сложная речь, потому что я, наверное, много читаю. А если я их приведу на творческий вечер, где стихи будет читать Наташа Карпичева? – Они же в транс впадут от её поэтического слова!

– Но получается, что ты «сбежал» из замкнувшегося на себе «Причала», чтобы попасть в изолированный СПР.

– Потенциальный спонсор охотнее будет разговаривать с членом СПР, чем с поэтом Васей Пупкиным из пятого подъезда. СПР – это марка, знак качества и не более. Впрочем, я не гонюсь за миллионами читателей и славой. «Календарь» выпустил тиражом 50 экземпляров и по старинке раздам их друзьям и знакомым. Просто, пока сборник был в работе, чувствовал, что к новому делу приступить не смогу. Да так оно и получалось: каждая идея оказывалась нежизнеспособной, воплощение шло вкривь и вкось.

– Не пробовал договориться с книжными магазинами, чтобы стихи поставили на полку? Ведь кое-где есть стеллажи «Поэты Магнитки», и на них не только корифеи.

Видел даже Холодову – за неё просили почти как за Толкиена в мягком переплёте.

– Теоретически договориться можно... На последнем собрании СПР был гость из Челябинска, который рассказал, что в Геленджике есть целый книжный магазин местных авторов. А Геленджик по населённости в шесть раз меньше Магнитогорска! У нас такого магазина быть не может, потому что даже в замкнутых кругах мы разрознены – то творческая ревность, то совершенно непонятное соперничество, бесполезные интриги.

Или взять, к примеру, Барнаул: надоело литераторам печататься на свои деньги, собрались и без лишнего спора нашли отличное решение. Обратились с предложением в городскую администрацию вести уроки краеведения, а зарплату им перечисляли в общий фонд, из которого спонсируются публикации. В год каждый барнаульский автор благодаря учительской подработке приносит около 30 тысяч рублей в общую копилку – в сумме на издательскую деятельность хватает с лихвой. Поэтому-то и знают в Магнитогорске только Ручьёва, Люгарина и Татьяничеву. А из современных – никого. Даже Римму Дышаленкову, которая известна в России и за рубежом, в Магнитке не читают.

– Может, не в этом дело? Интернет, радио, телевидение, по сути, всего лишь способы передачи информации XXI века. Может, просто поэты уже не пишут таких стихов, которые западали бы в душу? Ведь ещё

Байрон говорил, что до него всё уже было написано, а сам он, и тем более будущие поколения, – плагиаторы и пересказчики на свой лад.

– Наш век, конечно, не серебряный. Это даже не 60–70 годы прошлого столетия, когда в СССР был поэтический всплеск. Но есть и вторая сторона медали: литераторов стало слишком много, и найти хорошего среди посредственности – очень сложно. В одной из литературных социальных сетей публикуется Лилай Интуэри – талант, приближенный к гениальности. Но кто знает эти стихи? На том сайте миллионы поэтов, и в этой «каше» попробуй найти стоящих внимания. Если бы существовал какой-нибудь общественный совет – заслуженные литераторы, психологи, культурологи, который бы проводил отбор авторов, возможно, у Интуэри было бы больше читателей и шансов быть услышанным. Ещё момент: поэзия требует внутреннего сопереживания, работы над собой – далеко не каждый обыватель к этому готов. Не поэтическое слово утратило популярность – просто никто не хочет работать над собой. Почему большим спросом пользуется любовный роман? – Не надо думать и легко экранизировать. Вот и пишут так, чтобы попасть на большой экран. А экранизацию поэзии я видел только раз – и то короткометражку. Но думаю, что и на нашей улице будет праздник. Ведь поэзия – возможность в малом объёме выразить колоссальное содержание. И в наш век информационных технологий, когда «читать много» равняется «долго и затратно», мода на поэтическое слово вернётся. Уверен,

что совсем читать люди никогда не перестанут.

– На поэтическом попроще к чему ты стремишься: чтобы твои стихи стали хрестоматийными, а на доме, где ты жил и работал, поставили мемориальную доску, может, даже установили памятник рядом с Пушкиным?

– Цель одна – писать такие стихи, лучше которых будут лишь те, которые ещё напишу. Теперь, когда «Календарь» закончен, с обновлёнными силами могу приступить к осуществлению этой цели...

Возможно, через несколько лет Владимир Бартков выпустит третий поэтический сборник на деньги какого-нибудь мецената, преклоняющегося перед красотой и звучностью русского слова. Сотни тысяч экземпляров осядут во всех магнитогорских книжных магазинах, а также в столице, крупных и средних областных городах. Появлению на прилавках будет предшествовать пиар-компания, оплаченная тем же расчувствовавшимся богачом. Затем – многочисленные переиздания и новые сборники.

Через несколько десятков лет мы, постаревшие, соберёмся на открытие памятника Владимиру Барткову, и нам будет немного стыдно, потому что в Магнитогорске монумент появится позже, чем в других городах России. Дети в школах начнут зубрить Барктова и из-за корявости системы образования дойдут до 11 класса уверенными, что он такой же «восторженный кретин», каким большинство современных школьников сейчас видит А. С. Пушкин. Образ Барктова станет активно использоваться в рекламе разных товаров, а на телевизионных ток-шоу то и дело будут мелькать его многочисленные «внебрачные дети», желающие урвать кусочек у официальных наследников.

Это будущее неидеально ни для нас, ни для магнитогорского поэта. Владимир надеется, что стихи обретут былую популярность в обществе, не учитывая, что общество изменилось коренным образом. Технологии не погубили рифму, просто людям в классическом силлабо-тоническом виде она больше не нужна. Впрочем, даже рэп не пользуется спросом, как лет десять назад. Волну поймали R'n'B да совместные проекты с поп-исполнителями. Возможно, через много лет система образования будет по-прежнему корявой, но уже никого не заставят зубрить не то что Барктова, даже Пушкина. И это будущее кажется более реальным ☺

«Календарь» выпустил тиражом 50 экземпляров и по старинке раздал их друзьям и знакомым»

ФОТО: АНТОН КОСЕНКО

В старые добрые времена книги писали писатели, а читали все; теперь же книги пишут все, но не читает никто. Оскар Уайльд